

3. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 2. Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) / Н. В. Смехович [и др.] ; отв. ред тома: Н. В. Смехович, А. В. Унучек, Е. Н. Филатова ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2019. – 413 с.

4. Колтан, О. В. Национальная идентичность как социально-педагогическая категория / О. В. Колтан // Научные труды Республиканского института высшей школы : сб. науч. ст. / Респ. ин-т высш. шк. – Минск, 2018. – Вып. 18, ч. 3. – С. 228–235.

5. Колмакова, М. В. Сущность, структура и свойство исторической памяти как социально-педагогической категории / М. В. Колмакова // Научные труды Республиканского института высшей школы : сб. науч. ст. / Респ. ин-т высш. шк. – Минск, 2016. – Вып. 16, ч. 2. – С. 352–357.

6. Багдасарян, В. Э. Методология школьного учебника истории: опыт экспериментального подхода / В. Э. Багдасарян // Преподавание истории и обществознания в школе. — 2013. — № 3. — С. 3—13.

7. Нора, П. Проблематика мест памяти. Франция – память / П. Нора. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 328 с.

8. Романовская, Е. В. Идентичность и коммеморация / Е. В. Романовская, Н. Л. Фоменко – М. : Институт социологии РАН. – 2015. – № 7. – С. 81–84.

9. Линченко, А. А. Коммеморативные практики и массовое историческое сознание: методический аспект / А. А. Линченко // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». – Тверь, 2015. – № 2. – С. 116–127.

УДК 94(476) «1944-1991»

КОРСАК А.И.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА О ПОГИБШИХ ВОИНАХ И МИРНЫХ ЖИТЕЛЯХ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Корсак А. И.

заведующая кафедрой истории и туризма
Полоцкого государственного университета,
канд. истор. наук, доцент
г. Полоцк, Беларусь

Историческая память выражает одну из сторон духовной активности человека, которая заключается в способности отражения объективной действительности. Для современной историографии и особенно для стран Восточной Европы проблемы исторической памяти, тесно связанные с исторической политикой, в последние десятилетия стали одним из приоритетных направлений исследования.

Вторая мировая война – определяющее событие для всего человечества, которое несомненно до сих пор является инструментом исторической политики для многих политических деятелей. Великая Отечественная война для народов постсоветского пространства долгое время оставалась незыблемым постулатом в памяти народов. Но и здесь порой население того или иного государства бывает расколото на две условные группы, в зависимости от того, кто и при каких условиях находился в период нацистской оккупации (кто от кого пострадал).

Согласно мнению авторов (А. Коваленя, В. Арчаков, В. Данилович, А. Баньковский) публикации «К вопросу об исторической политике», историческая политика – это система целенаправленной деятельности институтов государственной власти по формированию национального историко-государственного мировоззрения человека и общества, укреплению историко-культурных и духовно-этических представлений людей, их готовности к созидательному труду, отстаиванию государственной безопасности и национальных интересов Отечества [1, с. 10-11].

После окончания Великой Отечественной войны значительное внимание со стороны, в первую очередь, союзных и республиканских органов власти было обращено на сохранение памяти о погибших воинах и партизанах во время военных действий 1941 – 1944 гг. (особенно периода освобождения территории Беларуси). О чем говорят архивные документы.

Что касается областных и районных органов власти, на наш взгляд, с одной стороны в данном случае имеющих посредническую функцию между распорядителями и непосредственно исполнителями – городскими и сельскими советами, то соответственно практической инициативы в элементарном

облагораживании воинских захоронений особо не проявляли. С другой стороны, как правильно было замечено исследователем Бабаниным Т.В. и на пограничной территории на данный момент Псковской и Витебской областей число могил, подлежащих благоустройству было таковым, что учет и поддержание их в должном виде оказалось не под силу местным органам власти [2, с. 188]. Та же самая картина наблюдалась и на территории Беларуси.

Говорить о причинах такого положения можно бесконечно – степень разрушений хозяйства, сложный восстановительный процесс, нехватка рабочих рук, и одно из самых главных обстоятельств – разминирование и расположение захоронений вдали дорог. На наш взгляд, еще один не менее важный момент – время! Распоряжение о постановке на учет и уход за захоронениями периода Великой Отечественной войны на уровне Совета Народных Комиссаров СССР было издано в 1946 г. [3] С момента освобождения территории Беларуси прошло два года, и за это время надмогильные холмики и надписи на жестяных или деревянных табличках успели разрушиться, зарости и стереться. Ландшафт местности также претерпевал свои изменения (заросли кустарников и т.д.). Все эти факторы так или иначе имели место быть.

Но в тот же самый момент, если в сравнительной характеристике смотреть на отчеты районных исполнительных органов власти, то становится понятным, что не все можно было списать на разруху и восстановление, т.к. многие районы отлично справлялись с задачей учета и ухода за воинскими захоронениями. Это очевидно не только по документам периода 1940-ых – 1960-ых гг., но и по современным данным в ретроспективе – когда количество захоронений на протяжении 75 лет в статистической взаимосвязи данных остается на одном уровне с учетом всех этапов перезахоронения и укрупнения братских и индивидуальных могил.

В конце 1940-ых – начале 1950 гг. с периодичностью раз в год на областном уровне и чуть больше на районном – в ходе заседаний исполнительных комитетов принимались решения по благоустройству захоронений. По документам того времени в понятие «благоустройство» входили и учет, и установление имен захороненных, и перезахоронение, и упорядочивание в плане посадки зеленых насаждений и цветов, и установка памятников. В наше время благоустройство воинских захоронений на уровне местных органов власти начинается и заканчивается весной к празднованию 9 мая облагораживанием территории (уборка листьев, покраска памятников, насаждение цветов). И чем дальше в глубь территории (вдали от крупных городов и шоссежных дорог), тем картина состояния памятников и воинских захоронений «сложнее».

Следует отметить, что изначально захоронения жертв среди мирного населения периода нацистской оккупации 1941 – 1944 гг. в поле зрения органов власти не были. Ситуация изменилась с выходом постановления СМ БССР в 1949 г. Если проанализируем данные за 1985 – 1990 гг., опубликованных в Сводах памятников истории и культуры по областям Беларуси, при этом сделав выборку по статье «Могилы жертв фашизма», то получаем следующий результат: к примеру, по Витебской области – из 150 могил на четырех в 1946 – 1949 гг. были установлены памятники; по Могилевской – из 100 могила на шести на протяжении 1945 – 1949 гг. были установлены памятники; по Гомельской – из 145 на четырех – памятники 1944 – 1948 годов установки; по Брестской – из 145 на четырех захоронениях с 1945 по 1949 гг. установлены памятники; по Гродненской области – из 99 могил на шести имелись памятники, установленные с 1944 по 1948 гг. [4 – 8]. Исходя из полученных данных, можно говорить о том, что на местном уровне (в первую очередь на уровне сельских советов, которые являлись исполнителями решений вышестоящих властей) начиная еще с 1944 г. шел процесс увековечения памяти погибших из числа мирного населения. Как правило, все захоронения расположены на гражданских кладбищах (оставшиеся в живых перезахоранивали своих родных и близких, односельчан), только 1 % установленных памятников на тот момент находился непосредственно на месте сожженной постройки вместе с людьми или ямы-расстрела.

1950-ые гг. – время активного процесса по укрупнению и перезахоронению воинских захоронений солдат и партизан, как правило из одиночных могил и малочисленных братских могил, и могил, расположенных в неудобных отдаленных местах (окраины дорог, леса, поля, на территории приусадебных участков граждан и т.д.). Этот процесс не касался тех захоронений, которые были изначально на гражданских кладбищах, или воинских кладбищ, появившихся в результате систематических захоронений медицинских учреждений, партизанских кладбищ и мест массового захоронения военнопленных и мирных жителей.

Что касается военнопленных и мирных жителей, то здесь вопрос открыт до сих пор – в городах, как правило, при строительных работах находят места массового уничтожения (в том числе и смешанные захоронения), которые по разным причинам не были идентифицированы в советское время. Это сложно сделать в отличие от воинских захоронений, где исследователи располагают документами воинских частей. Какими-либо документами, которые бы носили не фрагментарный и косвенный характер о фиксации мест уничтожения (а не содержания), историки по данной категории практически не располагают, кроме как свидетельских показаний и воспоминания, зафиксированных в Актах ЧГК.

С появлением Белорусского добровольного общества по охране памятников истории и культуры в 1966 г. и деятельности особенно организованных в школах поисковых отрядов, к примеру, «Красные следопыты» (СШ № 2 г. Новополоцка Витебской области), воинским захоронениям стали возвращаться имена – школьники активно работали с Центральным архивом Министерства обороны СССР (теперь ЦАМО РФ) и однополчанами, располагавшими сведениями о захоронениях своих друзей.

С этого времени местам памяти о погибших воинах, партизан, военнопленных, мирных жителей стало уделяться значительно больше внимания в плане мероприятий различной направленности и празднования 9 Мая.

Таким образом, следует отметить, что политика памяти в отношении Великой Отечественной войны, формируемая в советский период времени, носила неоднозначный и противоречивый характер. С одной стороны – память священна и ей придавалось много символичности, в с другой стороны – практическая реализация (не в плане проведения мероприятий по празднованию той или иной даты) не везде и не всегда соответствовала ее символичному наполнению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Коваленя, А. А. К вопросу об исторической политике / А. А. Коваленя [и др.] // Беларуская думка. – № 8. – 2019. – С. 3-11.

2. Бабанин, Т. В. Укрупнение воинских захоронений в 1940 – 1960-е гг. и проблемы увековечения памяти погибших защитников Отечества (на примере братского кладбища в деревне Сергейцево Пустошинского района Псковской области) / Т. В. Бабанин // Вестник РГГУ. – № 17 (139). – 2014. – С. 185-198.

3. Постановление СНК СССР № 405-165с «о благоустройстве ммогил воинов Красной Армии и партизан, погибших в боях Великой Отечественной войны 1941 -1945 гг., и о надзоре за их состоянием» от 18 февраля 1946 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941 – 2008 гг. Документы и материалы / ред. кол. В.И. Адамушко и др. – Минск: НАРБ, 2008. – С. 41.

4. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Белорус. Сов. Энцикл. ; редкол.: С. В. Марцелев (гл. ред.) [и др.]. – Мн. : БелЭС, 1990. – 424 с.

5. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Беларус. Сав. Энциклапедыя, 1985. – 383 с.

6. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БелСЭ, 1986. – 371 с.

7. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Беларус. Сав. Энциклапедыя, 1986. – 408 с.

8. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Беларус. Сав. Энциклапедыя, 1985. – 496 с.

УДК 355.48(476)+949(476) «1941/1944»

КРЫВАРОТ А.А.

СПАЛЕННЫЯ ВЁСКИ БЕЛАРУСІ ПАДЧАС ГЕРМАНСКОЙ АКУПАЦЫІ (1941–1944 ГГ.): ТРАГЕДЫЯ І ПАМЯЦЬ

Крыварот А. А.

вядучы навуковы супрацоўнік
Інстытута гісторыі НАН Беларусі,
канд. гістар. навук, дацэнт
г. Мінск, Беларусь

Хатынь – толькі адзін з тысяч беларускіх населеных пунктаў, поўнасю або часткова спаленых карнікамі разам з мірнымі жыхарамі падчас рэалізацыі германскімі акупантамі палітыкі генацыду на беларускай зямлі.

Неад’емнай часткай нямецка-фашысцкага тэрору, найбольш радыкальным сродкам зацвярджэння і падтрымкі «новага парадку», рэалізацыі злачынных планаў нацыстаў сталі карныя аперацыі. За 1941–1944 гг. захопнікі правялі больш за 140 буйных карных экспедыцый. Яны ажыццяўляліся ваеннымі,